

Нужен ли новый договор по СНВ?

Ратификация нового договора пагубна для России

Петр Белов

Как появился обсуждаемый здесь ДСНВ

Начну с констатации важных особенностей подготовки этого документа, отличающих ее от многих других договоров в сфере ограничения и сокращения стратегических вооружений.

Во-первых, появление ДСНВ было инициировано США, тогда как в предыдущие 40 лет все подобные предложения исходили от руководства нашей страны. В самом деле, лишь договор о противоракетной обороне (ПРО) 1972 г. был предложен американской стороной, а последовавшие затем ОСВ-1, ОСВ-2, РСМД, ДВЗЯИ, СНВ-1, СНВ-2 и ССНП инициировались уже нами.

Во-вторых, американская инициатива появилась ровно за год до самми-

та «G-8» по проблемам безопасности. Кроме того, работа над текстом ДСНВ проходила под информационно-психологическим давлением международной группы «Global zero», ратующей за полное уничтожение ядерного оружия. Все это существенно ограничило возможности по вскрытию и исключению невыгодных нам положений проекта договора, предложенного США.

В-третьих, подготовка ДСНВ осуществлялась в условиях конфиденциальности и не комментировалась СМИ; исходные позиции сторон были нечеткими, а их обсуждение скрывалось от независимых экспертов, что отличалось, например, от практики работы над договором СНВ-2, появлению

БЕЛОВ Петр Григорьевич – доктор технических наук, руководитель отделения геостратегии Академии геополитических проблем. E-mail: safsec@mail.ru

Ключевые слова: международный договор, межконтинентальная баллистическая ракета, переговоры о сокращении стратегических вооружений, «перезагрузка», противоракетная оборона, стратегическая оборонная инициатива, ядерный боезаряд.

которого предшествовало заключение рамочных соглашений с публикацией параметров сокращаемых ядерных вооружений.

В-четвертых, до момента подписания ДСНВ (за 5 дней до саммита «G-8») стороны так и не пришли к единому мнению, в чем публично признался Президент Д.А.Медведев, которому вместе с президентом Б.Обамой пришлось лично снимать разногласия в части «обмена телеметрической информацией», с чем они справились, «разобравшись с проблемой лучше своих делегаций»?!

Подобные факты приводят к предположению о наличии в тексте ДСНВ ряда подводных камней, в которых «кроится дьявол», то есть некий коварный умысел нашего «контрпартнера». Подобный вывод вполне правомерен, так как практически все предыдущие двусторонние договоры с США, как потом оказывалось, если и были полезны, то лишь им самим. Ведь единственным исключением был ОСВ-2, который так и не был ратифицирован американцами, да еще – ПРО-72, но и от него они отказались, когда это стало невыгодно.

Что касается других наших договоров с США, то их ущербность для России может быть проиллюстрирована на примере предыдущих СНВ-1 и СНВ-2. Сегодня уже всем стало ясно, что появление этих двух стратегических соглашений правомерно охарактеризовать как ошибочный политический акт, повлекший следующие неблагоприятные для нас последствия:

– геополитические – закрепление абсолютного военно-политического превосходства США и облегчение установления ими нового насильственного мирового порядка;

– военно-стратегические – окончательный подрыв боеспособности ядерной компоненты Вооруженных сил

России и окружение ее американскими военными базами;

– военно-технические – фактический слом структуры стратегических ядерных сил (СЯС), обусловленный выполнением этих договоров, и уничтожение РВСН как их основы;

– экономические – дальнейшее разбазаривание невозобновляемых природных ресурсов России, включая запасы оружейного урана, необходимого для ее атомной электроэнергетики;

– экологические – продолжение практики минирования территории России «мобильными Тополями», чрезвычайно опасными лишь для нашей территории.

Нечто подобное можно сказать и о договоре ССНП, в котором ради имитации партнерства с США, Россия пошла на признание других стран СНГ зоной общего интереса и сотрудничества в разрешении там региональных конфликтов. Данные уступки справедливо расценить как еще одно (в дополнение к СНВ-1 и СНВ-2) свидетельство нашей цивилизационно-мировоззренческой неполноценности, ставшей возможной, в том числе, и вследствие несовершенства процедуры принятия важнейших государственных решений. Вот почему, дабы не допустить подобного, подготовке к ратификации рассматриваемого здесь ДСНВ должен предшествовать самый тщательный системный анализ всего его содержимого.

Необходимо сделать это в увязке с реальным состоянием и тенденциями изменения не только так называемых «наступательных» и «оборонительных» стратегических вооружений, но также тех более масштабных факторов, которые привели к современным глобальным противоречиям и порожденным ими проблемам. Лишь с привлечением подобной «концептуальной лупы» можно своевременно вскрыть ковар-

ные замыслы нашего контрапартнера, не допустив поспешной ратификации ДСНВ без новации, либо четких зако-

нодательных условий как вступления в силу, так и отказа от соблюдения его положений.

Что стоит за декларациями ДСНВ?

Содержательный анализ договора логично начать с тех положений его преамбулы, где под прикрытием деклараций о «взаимном доверии, открытости, предсказуемости, сотрудничества и упрочения новых стратегических отношений» постулируются либо неочевидные, либо неверные утверждения.

Например, к первым относится признание влияния баллистических ракет в обычном оснащении на стратегическую стабильность, наличия взаимосвязи между СНВ и стратегическими оборонительными вооружениями (читай – ПРО), а также возрастания важности этой взаимосвязи при сокращении СНВ. А ко вторым – убеждения, что меры по сокращению и ограничению СНВ укрепят стабильность и безопасность России и США, тогда как нынешняя ПРО не подрывает жизнеспособность и эффективность их СНВ.

Рассмотрим утверждения каждой из этих групп, начиная с прояснения туманности двух первых деклараций и завершая рассеянием оптимизма относительно последних.

1. Уже осуществляемое США переоснащение части баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) под боеголовки в неядерном оснащении и планируемое – межконтинентальных (МБР) имеет целью вывести эти средства из зачета как стратегические. Однако применение даже обычных, но мощных боезарядов этих ракет по энергоемким либо критически важным объектам атомной, нефтеперерабатывающей, химической и военно-политической инфраструктуры противника будет чревато стратегически разрушительным эффектом благодаря внезапности из-за малого подлетного времени.

Если же напомнить о тысячах крылатых ракет США в таком же снаряжении и фактически отсутствующей у России системы ПВО, то даже угроза последовательного использования этих средств способна подорвать современную стратегическую стабильность.

2. В действительности, американская ПРО – это не оборонительный, а дестабилизирующий компонент СНВ, призванный нейтрализовать угрозу ответного удара России. Ведь неслучайно, что США вышли из договора о ПРО, лишь убедившись в нашей неспособности воспроизводить шахтные МБР, единственно способные преодолеть эту их «оборонительную» систему. Хуже того, к 2016 г. Россия лишится всех многозарядных МБР и подавляющего большинства таких же БРПЛ, а навязанный нам ДСНВ призван уже ограничить число и «обнулить» эффективность наших новых ракет из-за представления США телеметрии при их летных испытаниях.

3. Нетрудно показать, что предписанные ДСНВ масштабные сокращения СНВ не укрепляют, а подрывают не только военную безопасность России, но и стратегическую стабильность в целом – из-за невозможности наказания потенциального агрессора ответным ударом СЯС в случае его вероломного нападения. Ведь наша безопасность и суверенное будущее зависят от сохранения возможности сокрушительного ответного удара, тогда как любые сокращения СЯС России лишь поощряют авантюрные замыслы ее контрапартнера по ДСНВ.

4. Столь же очевидно, что резкое сокращение наших СЯС в условиях сохранения потенциала даже нынешней

американской ПРО выгодно только США как ее обладателю. Именно поэтому они согласились уменьшить состав своих СНВ, и даже готовы отказаться от ядерного оснащения их части. А вот России, намеревающейся лишь отвечать имеющему ПРО агрессору ударом сохранившихся СЯС, более важно сохранять их массирование. Наивность же веры в возможный отказ США от дальнейшего совершенствования их «оборонительной» ПРО иллюстрируется не только планами ее развития, но и недавним испытанием военных беспилотных космических аппаратов многообразного использования типа *X-37B* и *X-51A*.

Приведенные выше соображения относительно деклараций преамбулы ДСНВ указывают на наличие невыгодных нам требований и в основном тексте. Ведь если там все честно и корректно прописано, то предварять его содержание подобными декларациями необходимо лишь для формирования нужных американцам психологических установок. Однако для подтверждения истинности этой гипотезы проанализируем другие положения рассматриваемого договора. При этом одно из них также имеет декларативный характер, а остальные могут уже стать обязательными для России.

Что касается первого положения, то речь пойдет о так называемом «Шестом согласованном заявлении» из протокола ДСНВ, касающемся использования той телеметрической информации, с которой пришлось лично разбираться обоим президентам. Если дословно, то это звучит так: «Стороны соглашаются, что обмен телеметрической информацией в рамках Договора призван помочь упрочить новые стратегические отношения Сторон, не подрывая потенциал стратегических наступательных вооружений Сторон».

Как видно из данной цитаты, ее начальная часть констатирует еще одно благозвучное намерение России и США, с которым можно было бы и согласиться. Однако подобное недопустимо для концовки этого заявления, поскольку Протокол излишне широко определяет телеметрическую информацию как сведения, передаваемые в эфир с борта летящей баллистической ракеты. А вот относительно объема и содержания подобной информации в ДСНВ нет соответствующих разъяснений.

Уточним, что телеметрические данные необходимы создателю новых ракет и используются им *исключительно* на этапе летной отработки как самих ракет, так и грузомaketов их боевых блоков (ББ), что повышает оперативность выявления отказавших там элементов. Последнее возможно из-за того, что получаемая им информация содержит время выдачи и результат исполнения всех тех команд системы управления МБР, БРПЛ и блока разведения их реальных и ложных ББ, которые необходимы для придания каждой ступени ракеты и всем ее ББ необходимой скорости за счет своевременного отключения двигательных установок и подрыва соответствующих пироболтов.

Кроме того, подобные сведения о летных испытаниях ракеты могут дополняться результатами оценки ее параметров другими средствами, например, с помощью разведывательно-сигнатурных комплексов типа *MASIT* (*Measurement and Signature Intelligence*).

Эти технические системы способны регистрировать практически все характеристики летящих баллистических ракет и их боевого оснащения благодаря одновременно использованию средств многоканальной инфракрасно-ультрафиолетовой фотосъемки и сверхузко-

полосных радиотехнических фильтров, встроенных в различные летательные аппараты и радиолокационные станции. Сканирование ими МБР, БРПЛ и ББ позволяет определять не только их геометрические параметры, но также физико-механические и иные свойства конструкционного материала.

Сделанный анализ декларативной части ДСНВ для разъяснения имеющихся там недомолвок позволяет предположить о наличии в данном договоре неких подводных камней.

Как ДСНВ регламентирует обмен телеметрией

Обоснованность высказанных выше предположений-подозрений еще больше укрепляется после изучения обязывающей части ДСНВ, где использованию телеметрической информации посвящены три специальных раздела.

Первый из них – это ст. IX его основного текста, имеющая следующее содержание: «По взаимному согласию Сторон на паритетной основе осуществляется обмен телеметрической информацией о пусках МБР и БРПЛ. Стороны согласуют объем обмена такой телеметрической информацией». Нельзя не обратить внимания на лаконичность данной статьи (всего две фразы), заметно отличающую ее от всех остальных.

Столь же странные вещи всплывают при знакомстве с гл. 7 протокола к ДСНВ, где регламентируется:

а) число ежегодных пусков с обменом телеметрической информацией (не более 5-ти для каждого типа МБР или БРПЛ);

б) продолжительность изучения полученных при этом сведений и определения вновь планируемых пусков с передачей телеметрических данных (65 суток);

в) условия, порядок обмена и объем предоставляемой Россией и США теле-

Как представляется, самыми опасными из них являются недооценка угроз со стороны ПРО и неясность с истинной целью обмена телеметрической информацией. Вот почему с этим надо разобраться, тем более что все предыдущие двусторонние договоры с США готовились при отсутствии у них «оборонительной» ПРО и лишь ограничивали право сторон на шифровку данных телеметрии, тогда как обсуждаемый здесь ДСНВ уже *требует* обмениваться ею.

метрической информации – имеется лишь отсылка к специальному «Приложению о телеметрии», которое определено как неотъемлемая часть Протокола и которое там почему-то отсутствует!?

Еще более настораживает гл. 4 протокола ДСНВ, один из разделов которой следующим образом регламентирует процедуру и сроки предоставления Сторонами обязательных уведомлений:

а) относительно предстоящих пусков МБР и БРПЛ – не менее чем за 24 часа до любого пуска;

б) о неполноте или/и низком качестве переданной партнером телеметрической информации – не позднее 180 суток;

в) о сроке объяснения причин недостаточной полноты или/и качества полученных носителей такой информации – не позднее 60 суток;

г) о времени демонстрации представленной информации и декодирующей ее аппаратуры, либо удовлетворения запроса на ее приобретение и обучение пользованию – не менее 30 суток?!

Выявленные выше странности можно прокомментировать следующим образом:

1. Краткость ст. IX – предположением о ее секвестровании президентами РФ и США непосредственно перед подписанием ДСНВ;

2. Не включение Приложения о телеметрии в текст ДСНВ, опубликованный на сайте Президента РФ, – отсутствием этого фрагмента к моменту подписания данного договора;

3. Требование обмена телеметрической информацией и его строгий порядок – ее исключительной важностью для заинтересованной в этом Стороны.

Если два первых положения ДСНВ могут быть хоть как-то объяснены стремлением президентов России и США подписать договор до начала саммита «G-8», то наличие третьего заслуживает дополнительного изучения.

Выявление субъекта, заинтересованного в получении телеметрической информации, логично осуществить дедуктивно-аксиоматическим методом, используя в качестве исходных посылок следующие утверждения:

а) обмен телеметрической информацией о пусках ракет не имеет отношения к контролю соблюдения обсуждае-

мого ДСНВ: она призвана ускорить и удешевить экспериментальную разработку новых МБР и БРПЛ;

б) планы развития американских СНВ не предусматривают создания новых ракет этого типа, в отличие от России, стремящейся завершить летные испытания морской «Булавы-30» и многозарядной РС-24;

в) лишь США имеют систему *MASIT*, позволяющую им извне снимать большой объем информации о каждом их летном испытании;

г) телеметрическая информация о 5-ти, то есть практически всех ежегодных пусках наших ракет каждого типа пригодна для дополнения и перепроверки сведений, уже полученных американской *MASIT*.

Основываясь на этих фактах и естественном стремлении американцев сделать свою ПРО высоко эффективной и как можно дешевой, логично предположить о заинтересованности США не столько в туманных декларациях о влиянии ДСНВ на ПРО, сколько в обязательном представлении им телеметрических данных.

Место телеметрии в информационном обеспечении ПРО США

Подтверждение правомерности только что выдвинутой гипотезы начнем с напоминания следующих трех моментов:

1. Американская система ПРО предназначена для перехвата лишь тех боевых блоков (ББ), которые летят к цели по легко прогнозируемой баллистической траектории, то есть подобно свободно брошенному камню;

2. Из известных сегодня четырех способов парирования подобной системы, Россия заявила о намерении реализовать только один – создавать новые ракеты с ББ, способными к непредсказуемому для ПРО маневру благодаря

приданию дополнительной скорости спустя какое-то время после отделения последних от носителя;

3. В ответ на данное заявление США уже предприняли ряд мер по вскрытию параметров возможного маневра наших ББ, что потом облегчит их перехват до достижения американской территории¹.

В частности, США сразу же установили три радиолокационных станции (РЛС): одну в непосредственной близости к полигонам, предназначенным для запуска создаваемых нами ракет, а две другие – недалеко от полуострова Камчатка, где падают грузоматеты их боеголовок.

При этом первая РЛС призвана снимать данные о траектории полета ракеты, вплоть до разделения ступеней и разведения ее боевого оснащения, тогда как две другие станции должны делать это же, но в зоне не только возможного маневра ББ, но также их входа в плотные слои атмосферы непосредственно перед приземлением у цели. Благодаря этому американцы могут получать сведения о характере маневрирования наших ББ, что облегчит их дальнейший перехват, так как оно не может быть совершенно случайным: число вариантов возможного маневра и величина отклонения ББ от первоначальной траектории довольно ограничены.

Подтвердить результативность только что перечисленных мер США по нейтрализации маневрирующих российских ББ можно следующим образом:

а) установкой 16 американских антиракет на Аляске и в Калифорнии, способных к быстрому перенацеливанию, то есть выбору нужного типового полетного задания;

б) малым забрасываемым весом всех новых российских МБР и БРПЛ, не позволяющим обеспечить непредсказуемость маневра их ББ путем придания им мощного или/и многократного импульса;

в) признанием разработчика этих ракет возможности получения США данных об их истинных характеристиках в ходе летных испытаний.

С учетом изложенного нетрудно объяснить заинтересованность США в той телеметрической информации о летных испытаниях российских ракет, которую они будут иметь в случае вступления в силу ДСНВ. Дело в том, что полученные при этом *инсайдерские* данные о наших БРПЛ и МБР позволят американцам снять ту неопределенность, которая могла возникнуть после

их просвечивания извне комплексом *MASIT*. Ведь зная требования ДСНВ в части уведомлений и телеметрической информации, легко понять, как будет вскрываться нужная США информация о тактико-технических характеристиках российских ракет

Логично предположить, что после получения не менее чем за сутки уведомления о запланированном пуске нашей МБР или БРПЛ, в близлежащее морское и воздушно-космическое пространство сразу же будут направлены корабли и самолеты США, а через несколько лет – и беспилотные космические аппараты типа упомянутых *X-31B* и *X-57A*, оснащенные средствами *MASIT*. Полученная ими и без того исчерпывающая информация по всем важным моментам, будет не только долго и тщательно изучаться, но и многократно перепроверяться с помощью телеметрических данных, что и предписано гл. 4 протокола ДСНВ.

Обладание же подобными сведениями позволит США не только точно прогнозировать полет российской ракеты, но и противодействовать ему, например, целенаправленными и мощными облучениями извне в те моменты времени, когда управление ею наиболее уязвимо. Ведь баллистическая ракета – не человек, ее поведение полностью запрограммировано, и знание полетного задания (данных о циклограмме выдаваемых команд) дает полное представление о полете. Поэтому вовремя посланный импульс может воспрепятствовать корректировке траектории или разделению ступеней ракеты, что обычно приводит к ее аварийному самоподрыву.

По-видимому это и задумано в США, и именно так может случиться, если ДСНВ не будет подвергнут новации в части отмены обязательств по представлению им телеметрической информации к тому же. Вот почему у

России нет другой сколь-нибудь рациональной альтернативы, кроме как смягчить данное требование ДСНВ. Если этого не удастся сделать, то есть требование США о снабжении их телеметрической информацией вступит в

силу, то наша страна лишится всякой перспективы, так как это обесценит любые будущие проекты, включая создание новых тяжелых многозарядных шахтных МБР как единственного противоядия американской ПРО.

Нужны ли России летные испытания баллистических ракет?

Оставшиеся у кого-либо сомнения в актуальности обсуждаемой здесь проблемы с обменом телеметрических данных можно снять по результатам приводимого ниже анализа нынешнего и будущего состояния российских МБР и БРПЛ. Ведь логичны следующие рассуждения: подобную информацию получают только в ходе их испытательных пусков, а если их не осуществлять, то нечем и обмениваться. К тому же можно добавить, что наша страна уже почти 20 лет не проводит ядерные взрывы, и разве нельзя так поступить с ракетными испытаниями?

Оставив за скобками аналогичную и не менее серьезную проблему ядерно-оружейного комплекса, обоснуем недопустимость подобного отношения к современным российским баллистическим ракетам.

Прежде всего, поясним, что в отличие от ядерного боезаряда, конструктивно менее сложного, но неизмеримо более стойкого к внешним воздействующим факторам, такие ракеты не только обладают минимальным запасом прочности, но и на 90% состоят из пожаровзрывоопасного топлива, а его жидкостные компоненты к тому же являются чрезвычайно агрессивными, токсичными и самовоспламеняющимися. При этом гарантийный срок эксплуатации всех наших наиболее мощных МБР уже превысил назначенный ресурс в 2 с лишним раза, подобная ситуация – и с большинством БРПЛ. Вот почему их нельзя оставлять на боевом

дежурстве без экспериментального подтверждения боеспособности систематическими пусками.

Что касается сравнительно новых однозарядных МБР «Тополь-М», то их общее число и темпы поступления в войска ныне ничтожно малы. К тому же около 40% из них размещены на крупногабаритных и тяжеловесных автошасси, что облегчает их обнаружение спутниками американской «Дискавери-2». А ведь эта система способна в режиме реального времени передавать координаты подобных подвижно-беззащитных целей многочисленным средствам их поражения, включая беспилотную авиацию и крылатые ракеты воздушного и морского базирования

Не лучше обстоит дело с РС-24, являющейся многозарядным аналогом упомянутого выше «Тополя-М», производство которой стало возможным с декабря 2009 г., когда истек срок действия договора СНВ-1. Появились пока непроверенные сообщения, что данные МБР как будто созданы, однако убедиться в этом можно лишь многочисленными летными испытаниями. Дело в том, что разработчик РС-24, впрочем как и «Булавы-30», не обладает опытом в сфере их оснащения одновременно несколькими ББ индивидуального наведения, что не так то просто.

Еще хуже положение с БРПЛ «Булава-30», создание которой началось почти 12 лет назад. Несмотря на неуспешность подавляющего числа из дюжины ее летных испытаний, все наши новые

атомные подводные лодки последние 6 лет почему-то строятся только под эту ракету, хотя в России налажено производство других БРПЛ, которые по своим основным характеристикам превосходят все зарубежные.

Вот почему командование нашего ВМФ упорно настаивает на необходимости успешно завершить испытания «Булавы-30».

В целом же, ситуация с российскими баллистическими ракетами такова: если сегодня мы имеем примерно 130 тяжелых шахтных МБР с более чем 1000 мощных ББ, а также 128 БРПЛ с почти 450-ю такими же ядерными боезарядами, то после 2015 г. у нас, скорее всего, будет около полутора сот новых МБР и БРПЛ. Что же касается их боевого оснащения, то оно составит тогда примерно 450 маломощных ББ; и это при условии, что «Булава-30», РС-24 выдержат летные испытания, и станет возможным их серийное производство. Естественно, что к тому времени подобные ракеты не смогут прорвать американскую ПРО одномоментным вбросом их ББ в зону ее ответственности, так как:

а) надежность доведения боевого приказа до БРПЛ и МБР мобильного

базирования по беспроводным каналам невелика;

б) местонахождение и длительность предстартовых операций этих ракет (а значит – и время подлета к целям запущенных с них ББ) – разное;

в) к тому же подавляющее число МБР и БРПЛ будет уничтожено до пуска.

А это означает, что России никак не обойтись без летных испытаний:

а) слишком рискованно держать на боевом дежурстве деградирующие тяжелые шахтные МБР с самовоспламеняющимися компонентами и многозарядными термоядерными ББ (ведь их саморазгерметизация чревата взрывом с возможным радиоактивным заражением большой территории);

б) нельзя также вводить в строй новые МБР и БРПЛ без проведения серии летных испытаний, так как ни у кого не будет уверенности в их способности выполнить в нужный момент свое предназначение. По крайней мере, они нужны в ближайшие 6–10 лет, то есть в период действия ДСНВ, если он все же вступит в силу в результате необдуманно-поспешной ратификации нашим парламентом.

Насколько готово Федеральное Собрание России к ратификации ДСНВ?

Прежде всего целесообразно уяснить главную причину той катастрофической ситуации, которая уже сложилась в сфере СЯС России и которая может быть еще больше усугублена в случае вступления в силу ДСНВ. Все это стало возможным из-за отсутствия в нашей стране системы поддержки, контроля и принятия важнейших государственных решений, начиная от выборов высших должностных лиц всех ветвей власти и завершая конкретными целевыми программами и проектами. В одних случаях это сделано руковод-

ством страны специально, например, выборы Президента и депутатов Госдумы фактически стали безальтернативными; в других – то ли по недомыслию, то ли вследствие нашей неспособности противостоять давлению внешних враждебных сил.

В частности, ошибочные решения передать функции многозарядных шахтных МБР мобильным ракетам типа «Тополь» и отстранить от производства наиболее эффективных БРПЛ проверенное временем научно-производственное объединение «КБ им. В.П.Ма-

кеева» в пользу другого генподрядчика, не обладающего ни «морским» опытом, ни стендово-экспериментальной базой, стали возможными благодаря «операциям влияния»², осуществляемым США с помощью соответствующих агентов.

Именно последние формируют у руководства России нужные американцам мнения.

Например, – в первом случае это касалось якобы большей уязвимости наших шахтных ракет в сравнении с наземно-мобильными, а во втором – низкой стоимости и абсолютной безаварийности якобы унифицированной новой твердотопливной БРПЛ.

Естественно, что подобные психологические установки внушались «российскими СМИ» и всем остальным нашим гражданам.

А вот осуществлялась эта работа в России под руководством многочисленных «центров», которые были специально созданы при институтах РАН и МГУ для исследования не национальной, а якобы международной безопасности и разоружения, а также российских государственных учреждений типа 4 ЦНИИ Минобороны РФ.

Например, один из заместителей директора ИСКАН РАН в свое время был откомандирован в Минобороны РФ, где в должности статс-секретаря почти 5 лет определял его военно-техническую политику.

Бессменный же руководитель Центра исследований международной безопасности и разоружения при ИМЭМО РАН делал это же в течение 8 лет, но законодворчески – как заместитель председателя комитета Госдумы по обороне.

Тогда как военно-стратегическое обоснование программ «модернизации» наших СЯС обеспечивал в то же самое время тогдашний начальник упомянутого выше ЦНИИ, одновременно являющийся как бы внештатным консультантом сразу двух министерств обороны – России и США.

Именно только что упомянутые представители всех этих организаций

ратовали в свое время за скорейшую ратификацию наиболее разрушительного для нас договора СНВ-2, и именно они вновь продемонстрировали самое активное участие как в заключении ДСНВ, так и в «продавливании» нужных США его оценок общественностью и обеими палатами Федерального Собрания РФ. Как ни странно, но это делается, несмотря на ту убийственную и публичную критику³, которой эти люди были подвергнуты за поддержку ими СНВ-2. Ведь если бы все его положения были Россией выполнены, то уже сегодня наши СЯС остались бы без многозарядных шахтных МБР.

Что же касается конкретного вклада в судьбу нового ДСНВ, то он проявился, например, в следующих деяниях:

а) участие 16.04.2010 г. бывшего статс-секретаря, а ныне – директора Института международной безопасности при МГУ им. М.В. Ломоносова и экс-начальника 4 ЦНИИ МО РФ в телешоу «Народ хочет знать» с целью убеждения миллионов телезрителей в необходимости этого договора;

б) доклад, сделанный 28 мая тем же отставным генералом с подобным намерением на заседании Экспертного совета комитета по международным делам Совета Федерации и ряд публикаций руководителя Центра, в которых естественное право России тщательно изучить ДСНВ интерпретировалось как желание сорвать его заключение до начала саммита «G8» и тем самым воспрепятствовать процессу всеобщего ядерного разоружения;

в) выступления 6.07.2010 г. подобной направленности этого же руководителя и директора упомянутого первым академического института, прозвучавшие на единственном (и заключительном?) открытом парламентском слушании, проведенном комитетом Госдумы по международным делам совместно с ее комитетом по обороне.

Автору статьи и другим участникам последнего мероприятия оно запомнилось по ряду особенностей, разительно

отличающих эту парламентскую процедуру от тех, которые проводились при ратификации, допустим, того же СНВ-2, благодаря чему ее удалось оттянуть на 7 лет.

Во-первых, среди организаторов данного мероприятия почему-то отсутствовал комитет Госдумы по безопасности, хотя во вступительном слове председательствующего была подчеркнута «резонансно важная» роль обсуждаемого ДСНВ для национальной безопасности России.

Во-вторых, в этом заседании не приняли участия ни члены только что упомянутого комитета, ни депутаты таких двух фракций, как ЛДПР и «Справедливая Россия».

В-третьих, подавляющее число участников, заполнивших небольшой зал едва на треть, а также 5 из 6-ти выступивших на данном слушании представляли государственные структуры. Задавать вопросы им было разрешено только парламентариям (а их было 5 чел.), само же заседание заняло чуть больше двух часов.

На примере идей, высказанных на этом слушании рядом выступающих⁴, проиллюстрирую, как обсуждалось влияние ДСНВ на национальную безопасность России.

Открывший дискуссии эксперт в ранге директора института ограничился рассказом, как республиканцы в американском сенате борются с ратификацией договора, давая тем самым понять, что он выгоден только России. Выступивший затем руководитель исследовательского центра хотя и назвал двусторонние переговоры по сокращению ядерного оружия главным политическим ресурсом нашей страны, но все же призвал его сокращать, правда, – не

сразу, а постепенно, иначе не сидеть больше президенту России за одним столом с США?!

А вот заместитель председателя комитета по обороне всего лишь попытался высмеять тех, кто наивно поверил в возможность России «нагнуть США» с помощью ДСНВ, умолчав при этом, что получилась ровно наоборот.

Что касается других выступлений, то и они были столь же абстрактными и малоубедительными.

Если советник МИД России охарактеризовал подписание ДСНВ как «очевидный успех нашей дипломатии», то профессор МГИМО уже попробовал убедить присутствующих, что его ратификация почему-то ограничит стремление других стран к обладанию ядерным оружием.

Естественно, что присутствующие на данном мероприятии члены и руководитель российской делегации по переговорному процессу всецело поддержали только что высказанные позиции.

Надо отдать должное организаторам данного слушания, которые все же дали возможность изложить и наглядно проиллюстрировать свои идеи автору статьи, несмотря на ожидаемую ими критику ДСНВ.

Не думаю, что это стало возможным благодаря поддержке экспертного совета одного из комитетов верхней палаты Федерального Собрания России, аппарата двух комитетов – нижней и президента Академии геополитических проблем.

О логичности данного решения можно судить по комментарию руководителя центра при ИМЭМО, тут же предложившего «засекретить» ту часть стенограммы, где говорилось о выгоде ДСНВ для России, и передать США единственное альтернативное сообщение с тем, чтобы облегчить (!?) там процесс возможной ратификации.

Таким образом, есть основания считать, что ратификация ДСНВ нашим парламентом неизбежна. Ведь именно такую задачу ему публично поставил (!?) Президент России, обратившись не «с просьбой получить совет и дать согласие» (как это сделал его американский коллега), а – с требованием сделать это синхронно с Конгрессом США. Другим подтверждением тому служит заключение, уже принятое двумя упомянутыми ранее профильными комитетами Госдумы спустя один день

после открытого парламентского слушания, а также категорический отказ от подобного обсуждения ДСНВ, демонстрируемый ныне соответствующими комитетами Совета Федерации.

Что же касается тезиса – кому выгоден новый ДСНВ, то, как представляется, приведенные в ней рассуждения логичны и приводят к выводу – только США, но не России. Конечно же, личный интерес в появлении этого договора поимели и оба президента: американский продемонстрировал последовательность в реализации предложенной им «пере(за)грузки», а российский – убедился в своем высоком предназначении, ведь он не хуже трех его предшественников, также заключивших по одному двухстороннему договору в сфере сокращения СНВ.

Думается также, что большую выгоду от заключения ДСНВ поимели не только зарубежные авторы данной операции, но также доморощенные организаторы и агенты соответствующего влияния на общественность и руководство России.

И, наконец – о том, что следует ожидать от ратификации ДСНВ.

Судя по всему, смысл подготовленного двумя комитетами Госдумы заключения означает безоговорочное одобрение данного международного соглашения, что и будет поддержано обеими палатами Федерального Собрания РФ. Подобное решение нельзя расценить иначе, чем преступное, так как его реализация может быть уподоблена последнему гвоздю, забитому в гроб российской государственности.

Предотвратить подобный исход можно было бы, направив ДСНВ с уже подготовленным заключением оперативно созданной рабочей группе, которая способна выявить все негативные последствия возможной ратификации, подобно тому, как это делает Исследовательская служба Конгресса США, роль которой в Федеральном Собрании России по факту выполняют представители упомянутых выше государственных учреждений и ряда неправительственных организаций.

Примечания

- ¹ Белов П.Г. Американская ПРО как главный вызов национальной безопасности России // Обозреватель–Observer. 2009. № 4. С. 56–69.
- ² Основы эффективных операций влияния. Центр АРРОЙО Корпорации РЭНД. Пер. с англ. независимого агентства НАМАКОН, 2009.
- ³ Брезкун С.Б. Не пора ли остановить «вечный двигатель» проамериканского лобби в России // Военно-промышленный курьер. 2006. № 16.
- ⁴ Калашников Л.И. На кого работают «думающие танки» // Интернет – ресурс: sovros.ru